

- ⁷⁸ ВПР. Сер. I. Т. VI. С. 367, 419.
- ⁷⁹ АВП РИ, ф. 133, оп. 468, д. 10822, л. 271–271 об.; д. 10825, л. 238–239, 283–283 об.; д. 10827, л. 88–88 об.
- ⁸⁰ Там же, ф. 1, П-3 (1812 г.), д. 3, л. 3–4.
- ⁸¹ О «деле Беллинггема» подробнее см.: *Walpole S.* The Life of R[igh]t Hon[orable] Spencer Perseval including His Correspondence with numerous distiguished persons. Vol. II. L., 1874. P. 295–300; *Орлов А.А.* Союз Петербурга и Лондона... С. 189–190.
- ⁸² ВПР. Сер. I. Т. VI. № 152. С. 375–376; С. 746. Прим. 417.
- ⁸³ Там же. № 151. С. 374.
- ⁸⁴ *Грин Д.Р.* Указ. соч. Вып. III. С. 383.
- ⁸⁵ *Webster Ch.K.* The Foreign Policy of Castlereagh 1812–1815. Britain and the Reconstruction of Europe. L., 1931. P. 20, 44–45.
- ⁸⁶ *Грин Д.Р.* Указ. соч. Вып. III. С. 383.
- ⁸⁷ ВПР. Сер. I. Т. VI. № 227. С. 541. Об этом подробнее см.: *Болховитинов Н.Н.* Становление русско-американских отношений, 1775–1815 гг. М., 1966. С. 515–562.
- ⁸⁸ Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 35.
- ⁸⁹ ВПР. Сер. I. Т. VI. № 193. С. 473.
- ⁹⁰ Там же. № 175. С. 440.
- ⁹¹ Речь идет о долгах по займам, полученным российским правительством в Голландии в конце XVIII в., общая сумма которых к началу 1812 г. составил 87 600 тыс. гульденов.
- ⁹² ВПР. Сер. I. Т. VI. № 159. С. 398–399; *CHBFR*. Vol. I. P. 385, 595.
- ⁹³ ВПР. Сер. I. Т. VI. № 189. С. 465.
- ⁹⁴ ПСЗ-I. Т. 32. № 25177. С. 389–390; *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. XI. СПб., 1895. № 412. С. 162–165; ВПР. Сер. I. Т. VI. № 199. С. 491–493.
- ⁹⁵ *Рогинский В.В.* Указ. соч. С. 118, 158–159.
- ⁹⁶ *CHBFR*. Vol. I. P. 598–599.
- ⁹⁷ Противоположное мнение по этому вопросу см.: *Зак Л.А.* Англия и германская проблема (из дипломатической истории наполеоновских войн). М., 1963. С. 55–56.

© 2012 г. К. Б. ЖУЧКОВ*

«ВОЙНА К ОБОЮДНОЙ ПРИСТОЙНОСТИ»: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ХОД РУССКО-АВСТРИЙСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ В КОНЦЕ 1812 – НАЧАЛЕ 1813 ГОДА

Во время преследования французской армии в конце 1812 г. перед М.И. Кутузовым встала задача нейтрализовать 50-тысячную группировку противника на южном фланге русского наступления, занять пространство между Одером и Вислой и силами Главной армии выйти к границе Силезии, где можно было начать переговоры с Пруссией о заключении союзного договора. Занять Варшаву и беспрепятственно очистить Польшу от наполеоновских войск русской армии позволило русско-австрийское соглашение 16–18 (28–30) января 1813 г., заключенное Кутузовым и кн. К.Ф. Шварценбергом. И хотя важность этого соглашения для успешного продолжения войны против Наполеона очевидна, обстоятельства его подписания в отечественной литературе до сих пор не прояснены и иногда излагаются неверно¹. В наиболее подробных общих работах по истории Отечественной войны 1812 г. А.И. Михайловского-Данилевского, М.И. Богдановича и Л.Г. Бескровного анализ причин возникновения и хода русско-австрийских

* **Жучков Константин Борисович**, кандидат исторических наук, старший преподаватель Псковского государственного университета.

Статья написана при поддержке РГНФ, проект № 11-11-60004а/3.

переговоров в конце 1812 г. отсутствует, а в статьях И.С. Звавича и А.Л. Нарочницкого рассматриваются только дипломатические аспекты русско-австрийских отношений в 1812 г.², тогда как военно-политическая деятельность русского командования оказалась вне поля зрения российских историков. Не дает полного представления о данном соглашении и обращение к зарубежной историографии, в которой содержится лишь фрагментарная и порой противоречивая информация о его заключении. Дополнить ее позволяют документы русского командования, освещающие события декабря 1812–января 1813 г., хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве. Сопоставление архивных и опубликованных материалов позволяет проследить предысторию и ход переговоров, а также выявить роль различных участников подготовки конвенции.

После сражения на Березине и освобождения Вильно на южном фланге русской армии в пределах российских границ оставалась наиболее многочисленная группировка противника, менее всего пострадавшая в предыдущих военных действиях. В ее состав входили австрийский корпус под командованием фельдмаршала кн. К.Ф. Шварценберга (26 тыс. человек), VII корпус дивизионного генерала Ж. Ренье (8805 человек) и 32-я дивизия дивизионного генерала П.-Ф.-Ж. Дюрютта (9 тыс. человек)³. Общая численность союзных войск достигала 44 тыс. человек, не считая польских войск, французских и союзных резервов, а также отходивших из России на Вислу частей Великой армии. Сил, достаточных для ликвидации этой группировки, в начале декабря 1812 г. у русского командования на этом направлении не было, поскольку на р. Буг оставался только корпус генерал-лейтенанта Ф.В. Остен-Сакена общей численностью 22,6 тыс. человек, включая отряженный от него корпус генерал-лейтенанта П.К. Эссена⁴.

Кутузов справедливо предполагал, что в условиях провала кампании французское командование попытается привлечь австрийские войска для отражения русского наступления в Польше. Кроме того, он допускал возможность их соединения с остатками французской армии и подходившими к ней резервами. Вместе с тем, хотя Кутузов и рассматривал австрийцев как противника, он все же старался по возможности смягчить боевое противостояние с ними и избежать кровопролития. Исходя из этого, главнокомандующий старался предотвратить сообщение австрийского корпуса с отступавшей французской армией путем вклинивания русских войск между Пруссией и Польшей и создания угрозы окружения австрийцев. Их следовало вытеснить из Польши и лишить поддержки союзников, которых в результате ожидал разгром. С этой целью Кутузов 6(18) декабря 1812 г. предписал Д.С. Дохтурову объединить отряды генералов С.А. Тучкова, К.Б. Кнорринга и С.Л. Радта в Минске и направиться в Новый Свержень, откуда «идти чрез Слоним в том направлении, как отступает Шварценберг, но с большою осторожностью, ибо он может иметь соединенных войск до 40 000 человек». Однако, понимая, что 10-тысячный корпус Дохтурова «не может воспрепятствовать Шварценбергу, несравненно сильнейшему, идти в Варшаву», главнокомандующий предписал М.А. Милорадовичу присоединиться к нему со 2-м и 4-м пехотными корпусами и 2-м кавалерийским, после чего русские части должны были «стараться отрезать неприятелю путь к Варшаве и побудить его идти на Люблин». Левее движения Главной армии и перед корпусом Милорадовича направлялись отряды генерал-адъютантов гр. П.А. Ожаровского и И.В. Васильчикова и полковника Д.В. Давыдова общей численностью около 4 тыс. человек, которые, двигаясь через Новогрудок на Белицу, Мосты и Гродно, должны были войти в соприкосновение с австрийским корпусом и обходить его севернее. При этом Кутузов указал, что «все отряды имеют направление на левый фланг корпуса князя Шварценберга»⁵.

Со своей стороны, Шварценберг понимал, что об удержании французами, отступавшими от Вильны, позиции к востоку от Немана и Буга, не могло быть и речи. 2(14) декабря он получил письмо А. Бертье из Вильны, предписывавшее «в гармонии» с французской армией встать на новую линию и вместе с VII корпусом «защищать герцогство Варшавское», для чего обоим корпусам предписывалось маневрировать на Белосток⁶. Таким образом, французское командование предполагало установить новый

рубеж обороны по линии Гродно-Белосток-Брест. В тот же день бригадный генерал барон Ж.А. Брюн (Brun), французский комендант Гродно, сообщил Шварценбергу о приближении к городу русских войск. Австрийский командующий дал своим подчиненным указание избегать столкновения с русскими в случае их атаки и попытаться заключить с ними соглашение об эвакуации австрийскими войсками Гродно, если русские гарантируют безопасность их аванпостов на левом берегу реки⁷. Шварценберг указывал генерал-майору барону Ф. Фрелиху, что тот может заключить соглашение только для себя и только с русским командиром передовых постов⁸. 6(18) декабря, когда Фрелих прибыл в Гродно, казаки разъезды из авангарда отряда Д.В. Давыдова под командованием командира 1-го Бугского казачьего полка ротмистра А.Н. Чеченского находились в трехстах шагах от города, а ниже по течению Немана уже переправлялись на левый берег реки. Это обстоятельство Фрелих посчитал удобным поводом для переговоров с русскими и прежде всего отправил из Гродно все союзные войска, не принадлежавшие к австрийскому корпусу. 8(20) декабря Брюн эвакуировал гарнизон, маршевые и резервные части и часть складов, принадлежавших французской армии. После этого Фрелих счел возможным начать переговоры и в тот же день заключил письменное соглашение с Чеченским (в письме Шварценбергу он назван «colonel Czienski», «colonel de Cosaques Czienski»⁹), по которому австрийские войска эвакуировали Гродно, а русские не переходили Неман в течение трех дней на три мили¹⁰ выше и ниже по течению реки от города. Движение австрийского отряда рассчитывалось в 2–3 мили в день, о возобновлении враждебных действий стороны должны были известить друг друга за 48 часов¹¹. В полдень 9(21) декабря Фрелих покинул Гродно, беспрепятственно отступив на Белосток. Условия соглашения раздосадовали Шварценберга, писавшего, что «бесконечно отступая, ничто не мешает австрийцам провести всю зиму в маршах», однако после объяснений Фрелиха он вынужден был утвердить договор.

К 10(22) декабря 1812 г. весь австрийский корпус был сконцентрирован в Белостоке и его окрестностях. Однако, уступив Гродно, он еще больше открывался движению русских войск слева, где в соприкосновение с войсками Шварценберга вошел отряд Васильчикова, занявший к западу от Белостока Менженин и тем самым пресекший сообщение корпуса с Варшавой. Расположение в Белостоке оказалось опаснее, чем предполагал Шварценберг. Видя это, фельдмаршал сообщил Бертье об «инциденте» в Гродно, оправдывая его тем, что весь левый фланг его корпуса «совершенно повис в воздухе». Он добавлял, что если парламентарии появятся вновь, он предложит им «выбрать границу (между Россией и герцогством. – К.Ж.) как демаркационную линию для всего моего корпуса, и взаимно ее не переходить». По мнению Шварценберга, результатом такого перемирия «будет огромная польза для герцогства, и оно будет единственным средством установить зимние квартиры для корпуса». Чтобы прозондировать позицию русских, он отправил к Васильчикову, командиру ближайшего к нему русского корпуса, своего генерал-квартирмейстера полковника Т.Ф. Латура¹².

Встреча Васильчикова со Шварценбергом, о которой договорился Латур с полковником Д.М. Юзефовичем, начальником аванпостов русского корпуса, должна была состояться в деревне Супрасле, однако утром в назначенный день Илларион Васильевич случайно упал с лошади и ушиб руку, после чего отправил вместо себя на переговоры шефа 2-го Украинского казачьего полка генерал-майора кн. Н.Г. Щербатова. Побеседовав с ним 13(25) декабря, Шварценберг отказался заключать соглашение, но заявил, что из дружеских чувств на следующий день покинет Белосток и отойдет в герцогство, где будет ожидать инструкций из Вены¹³. Собственно, он обещал то, что уже и так задумал сделать¹⁴. При этом командующий австрийским корпусом заметил, что остановится в герцогстве на зимние квартиры и после этого надеется заключить перемирие, в противном же случае «хотя с большим сожалением, он принужден будет отражать силу силою»¹⁵. Васильчиков тотчас направил генерал-лейтенанту П.П. Коновницину рапорт о состоявшихся переговорах, послав Щербатова в Главную квартиру, чтобы он мог лично изложить Кутузову подробности свидания.

В тот же день австрийские войска начали покидать Белосток, а 15(27) декабря Васильчиков занял всю Белостокскую область до границы с герцогством. Васильчиков получил распоряжение двигаться через Тикочин на Визну с прежней целью отрезать австрийцев от Варшавы¹⁶. Главная квартира Шварценберга была перенесена в Высокомазовецк, а оттуда в Пултуск. Сам корпус расположился перед Пултуском, в Остроленке, Острове, Броке и Вышково, прикрывая густой цепью аванпостов линию от границы Пруссии в Грайево на Висну, при впадении реки Бобр в Нарев, далее по течению Нарева до Суража, и затем до Нура. Австрийское расположение защищал обширный лес, раскинувшийся между Островом и реками Буг и Нарев. Эта позиция, именуемая во французских источниках «Пултуским полуостровом», еще в 1806 г. была рекомендована Л.Н. Даву Наполеоном¹⁷. Пока австрийский корпус переходил из Белостока в Пултуск, Ренье перешел Буг и двинулся в направлении Варшавы. 16(28) декабря VII корпус вместе с 32-й дивизией вышел на позиции в преддверии варшавской Праги. Таким образом занимая «Пултуский полуостров» и опираясь справа на корпус Ренье, Шварценберг рассчитывал, что он сможет оборонять Варшаву и маневрировать на фланге неприятеля¹⁸.

Поскольку слухи о контактах австрийского штаба с русскими командирами несмотря на секретность быстро распространялись, в австрийских войсках начали циркулировать разговоры о скором перемирии. Шварценбергу докладывали о ежедневных переговорах между русскими и австрийцами на аванпостах. Опасаясь, как бы дело не закончилось братанием, князь решил укрепить дисциплину в войсках. 12(24) декабря он разослал своим командирам циркулярное письмо, в котором запретил переговоры на передовых линиях: «Нет вопроса о перемирии и обычные предосторожности не могут быть оставлены. Необходимо самым строгим образом пресекать бесполезные переговоры с парламентариями противника; нельзя допускать встречи на аванпостах, встречи, которые могут только уничтожить [боевой] дух войск»¹⁹. Однако русские командиры проявили незаурядные гибкость и изобретательность. Они избегали любых столкновений с австрийскими частями, отправляли обратно отставших и случайных пленных с их оружием, каждый день присылали на австрийские аванпосты парламентариев с уверениями в самых дружественных намерениях, предсказывали близкое перемирие между армиями, сообщали самые невероятные небылицы о бедах французской армии, старались каждый раз договариваться об установлении демаркационных линий между постами, наконец, и вовсе стали предлагать австрийцам общее расквартирование.

Так, 20 декабря (1 января 1813 г.) Фрелих сообщал Шварценбергу: «Лейтенант Коранда, занимающий Ломжу, доложил мне, что вчера один казачий капитан спросил его, когда он оставит это место; на ответ лейтенанта, что он ожидает об этом приказа, капитан предложил ему квартировать вместе; на отказ лейтенанта капитан ушел в плохом настроении и занял два местечка справа и слева, а также почти в его тылу, оставив, однако, одну дорогу свободной». «В Рашатах, — доносил в тот же день генерал-майор Т.И. Цехмейстер, — один [казачий] полк хотел расположиться с двумя [нашим] постами, которые там находились, но так как начальник этих постов не согласился на это, они отступили на милю; тогда я отправил майора Ностица к командующему [их] авангардом, чтобы поставить его в известность о наших намерениях [удерживать позиции]. В течение этого разговора русский полковник заметил, что русские не прекратят ни на один день оказывать нам знаки их дружеских чувств, что они могут вернуть нам сотню пленных... Они вынуждены думать, что мы не желаем им дружбы, потому что мы остаемся два или три дня в том же городишке, мешая им выполнить их приказы. Подходя спереди, они нажимали с тыла другими войсками, и мы продолжаем оставаться стесненными [в своем расположении]. Без сомнения, они не имеют враждебности против нас, но они выполняют свои приказы, и поэтому или лучше им расквартироваться между нами, или пересечь наши квартиры своими колоннами»²⁰.

Поскольку настойчивость командиров передовых русских корпусов и отрядов требовала от их австрийских коллег недюжинной изворотливости, а простой запрет на переговоры на аванпостах мог спровоцировать недружественную реакцию со стороны

русских, Шварценберг скорректировал свою позицию относительно отношений с противником на передовых линиях. В инструкции Цехмейстеру, подписанной 18(30) декабря 1812 г. начальником штаба австрийского корпуса генерал-майором И. Штуттергеймом, говорилось: «Будет наиболее уместным способом, возможно, договориться с противником еще до сражения, чтобы защитить наши посты, и сделать представление неприятельскому командиру, что постоянные провокации по поводу занятия незначительных постов противоречат дружеским намерениям, которые русские так часто выражают в нашу сторону, что мы не имеем намерений выполнять каких-либо враждебностей против русских, но что в то же самое время мы не можем, в самом деле, согласиться быть ежедневно задираемыми²¹ на наших позициях, что лучше для них оставлять нам время продолжить наше движение без взаимной ненависти, и что мы никогда не смиримся с попытками заставить нас оставлять под принуждением наши позиции – и подобным же образом [убеждать] далее. Если эти представления, которые вы должны сделать противнику со значительной твердостью, полностью обеспечат наше достоинство, оставайтесь без действия, поскольку необходимо отвечать доверием на доверие, и прежде какой-нибудь стычки рекомендуется каждый раз переговорить, без слишком серьезных обязательств с нашей стороны, во-первых, и никогда не давать никаких письменных обязательств, во-вторых»²².

Подобным же образом 5(17) января 1813 г. инструктировал своих командиров Милорадович, исполнявший предписания Кутузова: «Следуя по маршруту вам данному, где вы австрийские посты найдете, то можете вступить с ними в переговоры, объявляя им, что вы, следуя повелению, вам данному, занять то место надеетесь, что австрийские посты отступят без малейшего сопротивления, объявив им, что ежели они на то не согласятся, то вы, заняв место, не отпустите их назад, им[ея] достаточные силы действовать по всем могущим случиться обстоятельствам. Полагать должно, что [они] сопротивляться не будут, когда с вашей стороны вы будете сильнее. Но ежели неприятельские действия с их стороны случились, то отвечать таким же образом и заставить их отступить, [а] ежели бы случилось, что они в большой силе, о чем заблаговременно разными способами узнавать должно, то, не вдаваясь ни в какие переговоры, меня известить»²³.

«Однакож сей род войны требует великой осторожности, терпения и большой способности к переговорам и переписке, – характеризовал отношения с австрийцами Ф.Н. Глинка, находившийся в корпусе Милорадовича. – Надобно прежде предлагать, потом убеждать, и наконец уже грозить, но чтоб это было все кстати, у места. Получа известие, что австрийцы заступают нам дорогу, тотчас посылают объявить им, что авангард российский идет в больших силах, хотя в самом деле он очень невелик, что вся армия готова подкрепить его: сопротивление их будет совершенно бесполезно и кровь пролита напрасно и проч. Слова подкрепляются действием: обходят фланг австрийцев и они, имея чрез то достаточную тактическую причину к отступлению, совершают оное, несмотря на упорство надзирателей своих – французов»²⁴.

В Главной квартире французской армии в Кенигсберге тем временем с энтузиазмом восприняли планы Шварценберга заключить перемирие с русскими. Мюрат 11(23) декабря приказал Бертье ответить австрийскому генералу, что он утверждает его предложения и будет счастлив узнать, что тот «достиг заключения перемирия (тактического и неписьменного, которое должно быть аннулировано, если корпуса противника, противостоящие ему, перейдут в другое место), которое позволит ему расположить на отдых войска его собственные и генерала Ренье»²⁵. В тот же день Мюрат сам написал Шварценбергу письмо с одобрением его маневров и заключенного перемирия²⁶. Он настаивал на заключении именно неписьменного перемирия не из боязни скомпрометировать себя, а из чисто военных соображений, с целью не лишать себя и своих подчиненных свободы маневра²⁷. В результате руки у Шварценберга оказались развязаны.

Тем временем Кутузов 15(27) декабря 1812 г. получил отчет Васильчикова о переговорах со Шварценбергом²⁸. В ответ на инициативу австрийцев он направил в отряд Васильчикова начальника своей дипломатической канцелярии действительного стат-

ского советника И.О. Анстета, который получил полномочия заключить «соглашение о перемирии или какой-либо другой акт или частное соглашение... с тем, чтобы создать для австрийской армии положение, которое никоим образом не могло бы ее скомпрометировать до момента окончательного восстановления отношений, долженствующих объединить обе империи». Кутузов снабдил Анстета и письменной инструкцией на случай перемирия, содержавшей указания относительно демаркационной линии между австрийскими и русскими войсками, которая «должна проходить так, чтобы она не стесняла наших операций, и потому в обоюдных интересах необходимо, чтобы мы не встретили ее (австрийскую армию. – К.Ж.) при дальнейших маршах»²⁹. Инструкцией предусматривался отход австрийского корпуса в Новую (польскую) Галицию и поэтому первой демаркационной линией в ней рассматривалась река Сан до впадения ее в Вислу, а крайним случаем демаркации – совместное занятие Люблина и почтовая дорога из него в Краков. Необходимо заметить, что подготовка соглашения с австрийским корпусом началась еще до получения известия о подписании Таурогенской конвенции с прусским корпусом³⁰.

Вечером 20 декабря (1 января 1813 г.) Анстет прибыл в расположение Васильчикова, после чего они немедленно отправили парламентаря для назначения встречи со Шварценбергом. Проанализировав ситуацию, Анстет сделал вывод, что австрийский корпус будет как можно дольше демонстрировать, что он защищает Варшаву, хотя расположение частей корпуса указывало на общее направление его отступления в Западную Галицию³¹. Шварценберг же еще 15(27) декабря 1812 г. получил письмо императора Франца, в котором находилась долгожданная инструкция. Согласно мнению императора, оставление французской армией линии по Висле было неизбежно, и австрийский корпус должен был поэтому отступить по левому берегу Вислы для прикрытия Старой (австрийской) Галиции. Заручившись поддержкой своих планов со стороны монарха, Шварценберг тотчас выехал из Пултуска в Варшаву на совещание с кн. Ю. Понятовским и генералами Ж. Ренье и А.Ж. Дютайи, которое продолжалось с 19(31) по 21 декабря (2 января 1813 г.). Покинув Варшаву, Шварценберг встретил курьера из Пултуска с письмом от Васильчикова, просившего о новом свидании, которое в итоге было назначено на 25 декабря (6 января 1813 г.) в Острове³². В назначенный день Шварценберг прибыл в Остров, где его встретил Анстет, передавший фельдмаршалу письмо Васильчикова, в котором тот сообщал, что его поврежденная рука все еще требует лечения и представлял Анстета как лицо, уполномоченное Александром I вести переговоры о перемирии.

Еще с 1809 г., когда Шварценберг был послом в Петербурге, а Анстет – русским поверенным в Вене, между ними заочно установились неприязненные отношения (в период подготовки Австрии к войне 1809 г. Шварценберг активно жаловался в Вену на Анстета, который из Вены слал в Петербург отчеты, критиковавшие подготовку австрийского правительства к войне с Францией)³³. Поэтому в начале встречи Анстет не мог полностью скрыть своего сильного смущения. Передав письма Александра I к Францу и Кутузова к Шварценбергу³⁴, Анстет от имени Кутузова предложил перемирие сроком на три месяца, в течение которого австрийский корпус не мешал бы операциям русских войск. В обмен на перемирие со сдачей Варшавы он от имени Александра I обещал переуступку Австрии Западной Галиции с Люблином и Краковом. Шварценберг соглашался подписать такое перемирие только в том случае, если в него будет включен VII корпус Ренье, но это контрпредложение Анстет отклонил. Обе стороны, не придя к согласию, договорились пока выполнять условия устного соглашения, заключенного Шварценбергом и Щербатовым от имени Васильчикова³⁵. Шварценберг обещал Анстету сообщить о сделанных ему предложениях в Вену.

Однако прежде всего Шварценберг известил о переговорах с Анстетом Бертье, которому живописал красноречие русского дипломата, которое однако не смогло поколебать волю австрийского фельдмаршала. Между прочим Шварценберг заметил, что на угрозу Анстета, говорившего о возможности наступления Васильчикова на Остроленку с тем, чтобы заставить австрийский корпус отойти с берегов Нарева, он ответил, что

будет принужден применить для отражения этого нападения силу³⁶. На следующий день в подробном отчете о переговорах, направленном кн. К. Меттерниху, Шварценберг «подчеркивал все выгоды такой фланговой позиции, в которой вспомогательный корпус, отделенный от французской армии, будет при необходимости угрожать коммуникациям русской армии»³⁷. Очевидно, предлагая вескую военную причину для дипломатического демарша, он тем самым исподволь подталкивал Меттерниха к тому, чтобы принять русское предложение о перемирии, оставлении Польши и отходе корпуса в Галицию. Написал он обещанное письмо и императору Францу. В тот же день князь отослал Александру I просьбу прекратить наступательные действия против его корпуса по крайней мере на 15 дней, до прибытия инструкций из Вены³⁸.

Чтобы избавиться себя в случае отступления от нареканий со стороны союзников, Шварценберг затеял переписку с находившимся в Плоцке, слева от австрийского корпуса, генералом К. Вреде, восстанавливавшим баварский корпус. Он спрашивал, смогут ли баварцы поддержать австрийцев, если те будут вынуждены отходить на Модлин. 24 декабря (5 января 1813 г.) Вреде ответил, что наступательную операцию для поддержки австрийцев он предпринять не сможет, но готов прикрыть их движение через Вислу³⁹. Такой ответ целиком устраивал Шварценберга, получавшего в глазах французского командования вескую причину для отхода.

Поскольку русские войска хотя и не проявляли враждебности в отношении австрийских частей, но на всей линии соприкосновения с ними активно продолжали совершать обходные движения, вынуждая тем самым австрийские посты отступать, и в целом создавали угрозу окружения австрийского корпуса со стороны его левого фланга, Шварценберг был вынужден прибегнуть к уществениям русского командования. 5(17) января 1813 г. он через своего адъютанта гр. Кадеха передал Васильчикову для ожидавшего продолжения переговоров в Семятицах Анстета письмо, в котором просил приостановить движение русских войск, а затем написал Васильчикову, что ожидает прибытия инструкций от своего императора в течение трех дней, прося не тревожить аванпосты⁴⁰.

6(18) января 1813 г. австрийский командующий снова прибыл в Варшаву на совещание с Ренье и Понятовским, в ходе которого он зондировал их мнение относительно перспектив защиты Варшавы. На следующий день они с Ренье инспектировали крепость Модлин, которую нашли не подготовленной к длительной обороне⁴¹. Между тем передовые отряды русских корпусов нажимали на австрийские посты, не оставляя им выбора и вынуждая пятиться назад и оставлять территорию. Один из отрядов Фрелиха 7(19) января 1813 г. был вытеснен из Колно в Липники, а еще через два дня генерал Щербатов с пятью кавалерийскими и двумя егерскими полками из Ломжи выдвинулся к Мясцово, угрожая расположенным в деревне австрийцам⁴². Прежде чем отступить на Рожаны, Фрелих пытался договориться с русскими, однако все же вынужден был оставить Мясцово.

Тем временем, как и обещал Васильчикову Шварценберг, он получил три письма от императора Франца. В первом из них император соглашался на переход австрийским корпусом Вислы и оставление Варшавы, во втором полностью одобрял идею заключения соглашения, а в третьем излагал детали предполагаемого перемирия. Он уполномочивал Шварценберга подписать перемирие только при условии включения в него VII корпуса Ренье, указывал линию демаркации по Висле, затем Пилице, включая Ченстохов, и далее до границы с Силезией, и, наконец, рекомендовал рассчитать время денонсации перемирия по удалению корпуса от Великой армии. В день получения последней депеши от императора Шварценберг получил письмо и от Анстета, вновь находившегося на аванпостах, где «можно совещаться в узком кругу о положении дел, что не позволяет переписка, всегда рискованная»⁴³. Не теряя ни дня, австрийский генерал отправил в Ломжу к Васильчикову Латура, который должен был договориться об организации новой встречи с Анстетом⁴⁴. Чтобы не помешать ее проведению, Васильчиков в тот же день предупредил Милорадовича о приостановке наступления на Прасниц и Худек, не объясняя, однако же, причин этой задержки⁴⁵. Кроме того, он известил

о готовящейся встрече Кутузова, который, в свою очередь, приказал Милорадовичу до окончания переговоров остановиться в Станиславове и Ломже⁴⁶.

12(24) января 1813 г. на свидании в Вышкове Шварценберг дал согласие на подписание перемирия и предложил свой план отхода австрийского корпуса. В соответствии с ним через пять дней после оставления позиции на реке Нарев корпус должен был прийти в Варшаву и оттуда через день или два выйти на реку Пилица. Прибыв туда в течение 8 дней, австрийцы должны были отдыхать 6 дней, эвакуируя свои госпитали и депо, а затем в течение 8 дней продолжать марш на линию Жозефов, Кунов, Боджечин, Лапушно, Мологов, Жарновиц. Русские должны были следовать за австрийскими войсками только наблюдательными постами, и ни в коем случае не пытаться ускорить их движение (дневной марш в 3 мили и день отдыха на 3 дня марша)⁴⁷. С этим планом, подписанным Шварценбергом, Анстет отбыл в главную квартиру Кутузова⁴⁸.

Несмотря на предупреждение Васильчикова, подготовка свидания и сама встреча едва не были сорваны войсками Милорадовича и Корфа, преждевременно посчитавшими еще только планируемую встречу уже состоявшейся. Лишь доброжелательность и обходительность командующего австрийским арьергардом генерал-майора Фрелиха позволили избежать столкновения. 11(23) января 1813 г. Корф приехал в селение Дашков на встречу с Фрелихом, который его просил не выдвигать русские войска к Станиславову, поскольку Шварценберг приказал удерживать это селение. При этом Фрелих согласился эвакуировать несколько деревень за Станиславовым. Милорадович же обязал Корфа известить Фрелиха, что, поскольку его войска выдвигаются к Худеку, австрийцам необходимо снять в этом направлении свои аванпосты⁴⁹. В ответ Фрелих прислал своего полковника благодарить Милорадовича за то, что тот «заблаговременно и так деликатно дал способ присоединить отдаленные их посты». Чтобы австрийцы успели отвести свои посты из местечек Рословлово и Косержево, Латур просил приостановить на один день наступление русского отряда, «к обоюдной, так сказать, пристойности», как заметил по этому поводу Дохтуров⁵⁰.

13(25) января 1813 г. Шварценберг в очередной раз прибыл в Варшаву на встречу с Понятовским и Ренье, где поставил их в известность о том, что на следующий день его корпус начинает отступление. Понятовский сообщил об этом польскому Комитету министров, который стал паковать архивы. Началась паника. Все смотрели на эвакуацию, как на уже решенное дело, повсюду «царили скорбь и слышались проклятия австрийцам»⁵¹. 14(26) января отступление началось, причем австрийцы прикрывали отход VII французского корпуса за Вислу. Между тем Кутузов, находившийся со своей Главной квартирой с 15(27) января в прусском Вилленберге, получил от Анстета подписанный Шварценбергом план отхода австрийского корпуса в Старую Галицию, который полностью соответствовал его намерениям. 16(28) января 1813 г. русский главнокомандующий оформил и подписал русско-австрийское соглашение о перемирии сроком на три месяца, состоявшее всего из двух статей, поскольку главным документом соглашения был все же план отхода австрийских войск, являвшийся неотъемлемой частью соглашения и уже подписанный австрийским командующим. В тот же день Анстету было поручено отвезти австрийскому фельдмаршалу экземпляры соглашения и плана отхода его корпуса, подписанные Кутузовым. Анстет нашел Шварценберга в местечке Зейч 18(30) января 1813 г.⁵² Обмен экземплярами соглашения завершил русско-австрийские переговоры о перемирии.

В литературе, как и в отечественных публикациях документов, соглашение датируется 18(30) января 1813 г., а местом его подписания считается Зейч. Авторы публикаций ввели в заблуждение то обстоятельство, что на подписанном Шварценбергом экземпляре соглашения, хранящемся в Архиве внешней политики Российской империи, стоит только одна дата с указанием местечка Зейч⁵³. Но на австрийском экземпляре конвенции и плана отхода австрийского корпуса за подписью Кутузова указана дата 16(28) января и место подписания – город Вилленберг⁵⁴. Правильнее поэтому говорить о подписании русско-австрийской конвенции 16–18 (28–30) января 1813 г. в Вилленберге–Зейче⁵⁵.

Изучение русско-австрийских переговоров в конце 1812 г. позволяет по-новому осветить обстоятельства их возникновения, ход и роли главных действующих лиц. Толчком к возникновению переговоров о перемирии послужило письменное соглашение об эвакуации Гродно, заключенное Фрелихом с А.Н. Чеченским. Первый шаг в проведении переговоров был осуществлен Д.М. Юзефовичем, Н.Г. Щербатовым и И.В. Васильчиковым, причем последний в дальнейшем сыграл в переговорах главную роль, поскольку именно через него проходила связь Шварценберга с Анстетом. При этом, как это ни покажется странным, Васильчиков с Шварценбергом лично ни разу не встретились.

Вопреки сложившемуся мнению, французское командование в лице Мюрата, Богарне и Бертье знало о подготовке соглашения и одобряло его. Известно о нем было и Наполеону, которого о ходе переговоров по специальному поручению императора Франца предупредил австрийский уполномоченный в Париже Ф. Бубна⁵⁶. Другое дело, насколько конечный итог переговоров соответствовал чаяниям французских маршалов. Что же касается Ренье, он самостоятельно отказался отступать с австрийским корпусом на реку Пилицу, что могло обеспечить его безопасность, и по собственному решению отступил на Варту, в общем направлении на Калиш. Причиной такого решения было неверие в возможность русских продолжать наступление дальше Варшавы, т.е. за Вислу, вообще присущее в тот период почти всем французским военачальникам⁵⁷.

Подготовка соглашения со стороны австрийского командования преследовала цель обеспечить безопасный вывод австрийских войск с театра военных действий и отнюдь не была вызвана какими-то особыми симпатиями со стороны австрийских командования и правительства к русским. Австрия в это время предпринимала усилия по обновлению своего союза с Наполеоном и посреднические дипломатические демарши. Пока перспективы продолжения войны или заключения мира оставались неопределенными, в интересах австрийцев было не портить отношения ни с Наполеоном, ни с Александром I. Схожие цели при подготовке конвенции преследовало и русское командование, которому было важно устранить австрийские части с пути своего наступления и тем самым лишить устойчивости находившиеся в Польше войска противника, а также сохранить возможность присоединения Австрии к антифранцузской коалиции, для чего необходимо было осуществить это устранение невоенным путем, обеспечив между русскими и австрийцами если не дружественные, то, по крайней мере, приязненные отношения. Обе стороны, подготовив и подписав соглашение, успешно реализовали стоявшие перед ними задачи.

Примечания

¹ Так например, утверждается, что инициатором переговоров был М.А. Милорадович (*Подмазо А.А.* Большая европейская война. 1812–1815. Хроника событий. М., 2003. С. 12), что он «предложил Шварценбергу подписать перемирие и сдать Варшаву» (Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Варшавы. Сборник документов. М., 1964. С. XX), и именно с ним К. Шварценберг подписал соглашение (Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2003. С. 792). Б.С. Абалихин же ошибочно считает, что И.В. Васильчиков на переговорах со Шварценбергом «настаивал на отходе австрийского корпуса в Галицию» (*Абалихин Б.С.* Отечественная война 1812 года на юго-западе России. Учебное пособие по спецкурсу. Волгоград, 1987. С. 95).

² *Звавич И.С.* Меттерних и Отечественная война 1812 года // Исторические записки. Т. 16. М., 1945. С. 112–116; *Нарочницкий А.Л.* Австрия между Францией и Россией в 1811–1813 гг. и русская дипломатия // Новая и новейшая история. 1987. № 3. С. 42–45.

³ *Reboul F.* Campagne de 1813. Les préliminaires. Т. 1. Paris, 1910. Р. 6. 11 ноября 1812 г. 32-я дивизия была включена в состав VII корпуса (*Chuquet A.* Orders et apostilles de Napoléon (1799–1815). Т. 2. Paris, 1911. Р. 480).

⁴ *Reboul F.* Op. cit. Т. 1. Р. 10.

⁵ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. 2. М., 1955. С. 533–536.

⁶ *Reboul F.* Op. cit. Т. 1. Р. 450.

⁷ *d'Ussel J.* Études sur l'année 1813. L'intervention de l'Autriche (décembre 1812–mai 1813). Paris, 1912. P. 120.

⁸ *Reboul F.* Op. cit. T. 1. P. 453.

⁹ *d'Ussel J.* Op. cit. P. 124, 140; *Reboul F.* Op. cit. T. 1. P. 344.

¹⁰ Здесь и далее имеется в виду немецкая миля, равная 7.4 км.

¹¹ *d'Ussel J.* Op. cit. P. 123.

¹² *Ibid.* P. 123, 127. Ж. д'Юссель ошибочно утверждает, со ссылкой на письмо Фрелиха 12(24) декабря, что миссия Латура не имела результатов.

¹³ РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 3511, л. 225–225 об.

¹⁴ *Welden L.* Der Feldzug der Oesterreicher gegen Russland im Jahre 1812. Wien, 1870. S. 90.

¹⁵ РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 3511, л. 225 об.

¹⁶ Там же, л. 260–260 об.

¹⁷ *Леттов-Форбек О.* История войны 1806 и 1807 гг. Т. 3. Варшава, 1896. С. 126.

¹⁸ *Reboul F.* Op. cit. T. 1. P. 350, 454.

¹⁹ *d'Ussel J.* Op. cit. P. 127.

²⁰ *Reboul F.* Op. cit. T. 1. P. 336.

²¹ Ф. Ребуль, извлекий этот замечательный документ из королевско-императорского военного архива, не указал, написан ли подлинник на французском или на немецком языке. В тексте публикации употреблено слово «taquiner», означающее «дразнить, трунить, задирать, донимать».

²² *Reboul F.* Op. cit. T. 1. P. 339–340.

²³ РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 3903, л. 81–81 об.

²⁴ *Глинка Ф.Н.* Письма русского офицера. М., 1990. С. 110.

²⁵ *d'Ussel J.* Op. cit. P. 135. Фраза в скобках вписана собственноручно Мюратом.

²⁶ *Welden L.* Op. cit. S. 153; *d'Ussel J.* Op. cit. P. 135.

²⁷ *d'Ussel J.* Op. cit. T. 1. P. 136.

²⁸ Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии. Сборник документов. М., 1964. С. 446.

²⁹ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. V. М., 1956. С. 7–8.

³⁰ *Nesselrode A.* Letters et papiers du chancelier comte de Nesselrode. 1760–1850. T. IV. Paris, 1905. P. 138.

³¹ РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 3511, л. 374–375.

³² *Reboul F.* Op. cit. T. 1. P. 458.

³³ *Oncken W.* Österreich und Preussen im Befreiungskriege. Urkundliche Aufschlüsse über die politische Geschichte des Jahres 1813. Bd. I. Berlin, 1876. S. 427.

³⁴ *Luckwaldt F.* Österreich und die Anfänge des Befreiungskrieges von 1813. Vom Abschluss der Allianz mit Frankreich bis zum Eintritt in die Koalition. Berlin, 1898. S. 373–374; *Welden L.* Op. cit. S. 153. Письма были датированы соответственно 17(29) и 18(30) декабря 1812 г. В отечественной публикации письма Александра I ошибочно указана дата 19(31) декабря 1812 г. (Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. Серия первая. 1801–1815 гг. Т. VI. М., 1962. С. 645–646).

³⁵ *Edlen von Gebler W.* Das k. k. Österreichische Auxilliär-corps im Russischen Feldzuge 1812. Wien, 1863. S. 95–96.

³⁶ *Reboul F.* Op. cit. T. 1. P. 459.

³⁷ *Oncken W.* Op. cit. Bd. I. S. 427–428; *Reboul F.* Op. cit. T. 2. Paris, 1912. P. 242.

³⁸ *Reboul F.* Op. cit. T. 2. P. 1, 241.

³⁹ РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 3903, л. 42 об.–43 об.

⁴⁰ Там же, л. 88; М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. V. С. 92.

⁴¹ *Reboul F.* Op. cit. T. 1. P. 249, 462, 464.

⁴² *Ibid.* P. 248; *d'Ussel J.* Op. cit. P. 151.

⁴³ *d'Ussel J.* Op. cit. P. 148, 156–157.

⁴⁴ Ж. д'Юссель принимает за чистую монету угрозы русским, которые Латур высказывал в письме Ренье 12(24) января 1813 г., уверяя того, что приехал в русскую Главную квартиру, «чтобы сообщить неприятельским генералам, что своим поведением они больше ничего не добьются, поскольку австрийцы не имеют приказа покидать их нынешние позиции» (*d'Ussel J.* Op. cit. P. 151). На самом деле таким образом Латур камуфлировал цель своей поездки – договориться о встрече Шварценберга с Анстетом, и при этом заботился о том, чтобы движение русских не помешало проведению встречи.

⁴⁵ РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 3903, л. 108–109, 116.

⁴⁶ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. V. С. 99.

⁴⁷ Там же. С. 132–133.

⁴⁸ *Welden L.* Op. cit. S. 99, 104.

⁴⁹ РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 3903, л. 116–117.

⁵⁰ Там же, л. 124, 265.

⁵¹ *Reboul F.* Op. cit. Т. 1. Р. 250.

⁵² Письма Кутузова и Шварценберга друг другу при обмене экземплярами конвенции см.: *Reboul F.* Op. cit. Т. 2. Р. 476–477.

⁵³ Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. ... С. 38.

⁵⁴ *Welden L.* Op. cit. S. 154–155.

⁵⁵ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. Серия первая. 1801–1815 гг. Т. VII. М., 1970. С. 32.

⁵⁶ *Oncken W.* Op. cit. Bd. I. S. 405, 407.

⁵⁷ Так, например, Ренье 24 января (6 февраля) 1813 г. писал Е. Богарне: «Невероятно, чтобы император Александр I двинулся вперед с армией, если он не имеет в своих руках, помимо корпусов Чичагова и Витгенштейна, еще 80 тыс. человек, и если он не имеет более важных целей, чем взятие Варшавы» (*Г. Лейхтенбергский*). Принц Евгений-Наполеон Богарне во главе Великой армии. 4(16) января – 19 апреля (1 мая) 1813 года. СПб., 1905. Приложения. С. 80).

© 2012 г. В.М. БЕЗОТОСНЫЙ*

РОССИЙСКО-ПРУССКОЕ БОЕВОЕ СОДРУЖЕСТВО В БОРЬБЕ ПРОТИВ НАПОЛЕОНА

Из европейских государств, противостоявших Наполеону в начале XIX столетия, наиболее тесные отношения у России сложились с Пруссией, благодаря личной близости монархов, возникшей еще во время их первой встречи в Мемеле в 1802 г. Можно смело говорить о дружбе между Александром I и прусской королевской четой. Они были равны по происхождению, принадлежали к одному поколению и имели схожие взгляды. Впрочем, эта дружба не мешала двум государствам проводить собственную политику и занимать диаметрально противоположные позиции в отношении международных событий.

Так, в 1805 г. Пруссия отнюдь не жаждала принять участие в очередной антинаполеоновской коалиции. Французские войска находились слишком близко от прусских владений, поэтому осторожный Фридрих-Вильгельм III первоначально предпочел остаться нейтральным. Правда, 3 октября 1805 г. во время движения французских войск к Дунаю корпус маршала Ж.Б.Ж. Бернадотта пересек прусский анклав Анспах и тем самым нарушил нейтралитет Пруссии. По-видимому, Наполеон считал, что может себе позволить такое, а пруссаки не будут сильно возмущаться. Но этот инцидент произвел неприятное впечатление на прусские двор, армию и общество, был воспринят как оскорбление. Вслед за этим Пруссия дала согласие на проход русских войск в Австрию. Кроме того, 25 октября в Пруссию, чтобы поддержать дело коалиции, прибыл Александр I. Он смог уговорить Фридриха-Вильгельма III подписать 22 октября (3 ноября) договор о намерении вступить в антинаполеоновскую коалицию. Однако этот договор оказался обставлен несколькими оговорками, делавшими его условным. Пруссия должна была предъявить Наполеону заведомо невыполнимый ультиматум, а через месяц после этого выступить против Франции, выставив 180 тыс. человек. Этот

* **Безотосный Виктор Михайлович**, кандидат исторических наук, заведующий отделом Государственного исторического музея.